

Мы начинаем публикацию воспоминаний о протопресвитере Иоанне Мейендорфе (1926–1992) с отрывков из главы, посвященной этому выдающемуся богослову и церковному деятелю, книги профессора Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского Института, [почетного члена Киевского Религиозно-философского общества](#) [протоиерея Николая Озолина](#)

«Париж. Нью-Йорк. Москва. Из личных воспоминаний», изданной небольшим тиражом и ставшей раритетом.

Мы условно разделили выбранные нами отрывки на две части. Первая основана на воспоминаниях отца Николая и его сына Коли (теперь – протоиерея Николая Озолина, настоятеля собора свт. Николая Чудотворца в Ницце (Франция)) и посвящена личности о. Иоанна Мейендорфа во всех ее измерениях – священника, богослова, преподавателя, человека. Ценность этих «общих» воспоминаний в том, что они охватывают значительный период времени – с 1959 (года отъезда о. Иоанна из Парижа в Свято-Владимирскую семинарию (Крествуд, Нью-Йорк) и поступления в Свято-Сергиевский Институт будущего протоиерея и профессора Института – Николая Озолина) по 1992 годы, вместивший в себя основные вехи жизни протопресвитера Иоанна Мейендорфа и важнейшие события в жизни семьи Озолиных – протоиерея Николая Озолина, бывшего одно время преподавателем, а затем приглашенным профессором Свято-Владимирской Семинарии, матушки Елизаветы Павловны, которой о. Иоанн Мейендорф как признанному иконописцу доверил роспись академического храма Семинарии, их старшего сына Николая, учившегося в Семинарии и бывшего духовным чадом о. Иоанна. Вторая часть воспоминаний касается взглядов

протопресвитера Иоанна Мейендорфа на церковные вопросы, не только не утратившие своей актуальности сегодня, но даже ставшие еще более острыми, в том числе и в Украине, – перевод богослужебных текстов с церковно-славянского на славянские языки, реформы церковной жизни (на примере общины о. Георгия Кочеткова) и др.

Полностью воспоминания с разрешения автора будут републикованы в журнале «Христианская мысль».

Публикация: Протоиерей Николай Озолин. Несколько штрихов к портрету отца Иоанна // Протоиерей Николай Озолин. Париж. Нью-Йорк. Москва. Из личных воспоминаний. – М., 2005. – С. 57–108.

Предлагаемый отрывок воспоминаний начинается с осени 1974 года, когда о. Николай Озолин был приглашен о. Иоанном Мейендорфом преподавать в Свято-Владимирской Семинарии курс истории христианского искусства. Он также был назначен настоятелем прихода свт. Николая Чудотворца в г. Стратфорд (штат Коннектикут), откуда приезжал каждую неделю на два дня в Семинарию для чтения своего предмета.

[...] Вскоре я узнал, что отец Иоанн читает лекции по патрологии и истории Церкви в те дни, когда я приезжал, и попросил у него разрешения слушать его курс. Я никогда не забуду эти лекции. Отцу Иоанну шел тогда 48-й год, он был во цвете сил и творческого подъема. Был у него особый дар простого и ясного изложения самых сложных богословских вопросов. Он не громил еретиков, относился к ним внимательно, как к представителям человеческой мысли, подробно останавливался на ходе их мышления, объясняя их предпосылки и показывая, по какой логике они пришли к своим ложным заключениям... С другой стороны, в каждом святоотеческом учении и церковном догмате он раскрывал «сотериологическое ядро», домостроительную истину совершившегося «нашего ради спасения». Вопросы студентов его только радовали – даже самые наивные, и он терпеливо, вернее сказать, с любовью отвечал, и снова и снова объяснял. Отец Иоанн никогда не «давил» своими энциклопедическими знаниями, и всякие проявления внешнего авторитета или так называемые «крепкие слова» были ему совершенно чужды – он был, так сказать, «естественно убедителен» в своих доводах и своим видом.

Высокого роста, широкоплечий, с большой, но пропорциональной головой и очень высоким выразительным лбом. Добрые, темно-карие, быстрые, как и его ум, глаза, из которых катились светящиеся слезы, как только он начинал смеяться... Маленькая «каноническая» бородка, которую он беспощадно обстригал, подчеркивала тонкие черты родовитого лица; необычайно изящные «роденовские» руки. Голос приятный, мягкий в разговоре, а на службе очень ровный ... Элегантность отца Иоанна становилась предельно очевидной, когда он надевал костюм. На первый взгляд он мог показаться другим человеком – и только голос подсказывал, что это он... Уделяя обычно мало внимания вопросам личного гардероба, отец Иоанн на преподавание неизменно приходил в безупречно чистых, но часто чуть поношенных подрясниках русского покроя, с небольшим литым старообрядческим наперсным крестом. В моменты особо оживленных объяснений он брал его тремя пальцами левой руки и, чуть поднимая, прижимал к груди, пока десница весьма экспрессивно провожала изложение святоотеческой мудрости. А в дни академических торжеств отец Иоанн возлагал на себя голубой эмалевый докторский крест. Рясы признавал только греческие «за их удобство», может быть, даже сам не замечая, как они ему к лицу. Добрая Мария Алексеевна, помня, как часто отец Иоанн в Крестовде меня выручал одалживанием всякой одежды, в свой первый после кончины мужа приезд во Францию привезла мне огромный чемодан, полный этими рясами да еще подрясниками, костюмами, черными рубашками и пальто отца Иоанна, а в отдельном конверте – тот самый литой старообрядческий крест. Все надеваю в «особые дни» в течение всего года, только ношение костюмов с каждым годом отчетливее ограничивается определенным сроком – двумя последними неделями Великого поста. Сам же отец Иоанн грузным никогда не был, каждую неделю ездил плавать в бассейн, даже зимой. Зимой он очень любил. Помню его в зимние снежные дни, когда он, явно наслаждаясь морозом, из дому пешком приходил на лекции в длинном теплом своем «московском» пальто – почти шинели – и в черной каракулевой шапке. «Here comes baron», – шептали молодые американцы-студенты, увидев его идущим к ним как бы из другого мира. Как он сказал на своем последнем публичном выступлении 26 мая 1992 года в Свято-Тихоновском богословском институте в Москве: «Как у нас (в Париже) говорили, «сидели на чемоданах» и думали, что скоро вернутся в Россию ... Эта эмиграция представляла собой почти всю элиту старой дореволюционной России. Она включала в себя и интеллигенцию, и дворянство, и аристократию...». [1] К последней всецело, до мозга костей принадлежал и сам отец Иоанн. Несмотря на это покоряющее своей естественностью врожденное великолепие внешнего вида и благородство во всех движениях и в говоре, даже на иностранных языках, он никогда не искал ни театральных, ни риторических эффектов. К нему прислушивались потому, что знали: за каждое свое слово он готов был отвечать. И вместе с тем он обладал каким-то удивительным смирением и редким юмором, тонким, но не язвительным.

Мой стратфордский приход был еще очень русским, службы совершались по-славянски и по старому стилю, а в академии давно уже стали служить на английском языке и по

новому календарю. Таким образом, наши неподвижные праздники не совпадали, и я по приглашению начальства мог участвовать в академических службах. То были особые торжества. Да, именно торжества, и торжественность этим службам придавали два друга: отец Александр Шмеман и отец Иоанн – оба сияли, каждый по-своему... Радостный отец Александр казался самым олицетворением торжественности, но он служил не только торжественно, он служил торжествуяще победоносно «Евхаристию – Таинство Царства». Рядом с блеском отца Александра любой «сослужащий» всегда казался бледным, незначительным, но не отец Иоанн. У отца Иоанна было свое, и это свое позволило ему в течение 24 лет стоять рядом и не оказаться второй скрипкой... На этих службах веяло от них чем-то святоотеческим, «каппадокийским». А смотрелись они как два корифея, столпы предания и уж никак не реформаторы. У обоих был пафос апостольства, они себя чувствовали на самом деле миссионерами. Про себя все молитвы наизусть читали по-славянски, а возгласы – совершенно естественно по-английски. В академическом храме оба по очереди проповедовали, всегда на английском, – один пламенно, другой собранно, но без малейшего диссонанса, всегда в гармонии... [...]

И тут в декабре 1983 года горькая беда постигла нью-йоркскую академию. Безвременно скончался долголетний друг и соратник отца Иоанна, декан протопресвитер Александр Шмеман. Многим тогда казалось, что покойного декана, общепризнанного харизматического вождя, заменить некем. Ведь отца Иоанна знали только как ученого, не подозревая в нем ни практических, ни административных способностей. Но, конечно, в деканы выбрали именно его как ближайшего сотрудника и единомышленника отца Александра, в частности в каноническом оформлении получения автокефалии бывшей американской митрополии из Москвы в 1970 году.

И сразу же самые неисправимые скептики должны были признать компетентность отца Иоанна. В свою очередь, он оказался не только авторитетным лидером и верным продолжателем своего предшественника, но с самого начала своего деканства внес что-то новое, творческое и очень личное в жизнь академии. Это касалось и нашей семьи.

Так, в декабре 1985 года, сразу после защиты моей докторской диссертации в Сорбонне, по инициативе отца Иоанна я был избран *visiting professor* Свято-Владимирской академии и оставался им вплоть до его кончины в 1992 году.

К этому замечательному времени относятся последние студенческие годы нашего старшего сына Николая, который в течение трех последних лет жизни отца Иоанна учился в Крестовде. После Свято-Германовской семинарии на Аляске и

Свято-Тихоновской в Пенсильвании Коля поступил во Владимирскую академию осенью 1989 года. [...]

В богатой и многогранной личности отца Иоанна Колю больше всего поражали две отличительные черты: во-первых, его доступность и необычайная отзывчивость, то есть его искреннее желание помочь, чем только мог, всем, кто искал его поддержки. Никогда он не давал почувствовать, что ему некогда, что он – как это было на самом деле – занят важнейшими делами и что потому ему не до всяких «житейских пустяков» обывателей. Отец Иоанн, желанный собеседник выдающихся богословов и мыслителей, советник видных иерархов и личный друг патриархов, всегда находил время внимательно выслушать, подумать и посоветовать каждому, кто к нему обращался...

Второе качество, которое не могло не покорить Колю, была глубокая и всецелая литургичность отца Иоанна – некая общая тональность жизни, которую создавали его экзистенциальная настроенность на богослужебный ритм академического храма и вытекающее отсюда внутреннее созвучие литургическому дыханию Церкви. Личное присутствие на ежедневных утренних и вечерних службах и, конечно, на праздниках он считал для себя обязательным прежде всего потому, что любил эти службы и ими питался. Отец Иоанн являлся живым примером того, что всякий христианин, а тем более богослов должен быть «homo liturgicus». До конца эта его черта открылась в связи с его деканством. Раньше его личное восприятие богослужения оставалось более незаметным, во-первых, из-за принципиальной его сдержанности и, во-вторых, потому что все внимание сосредотачивалось на отце Александре, обладавшем авторитетом общепризнанного «профессионала» литургики. Впрочем, ни тот, ни другой никогда не были «ту(!)пиконщиками-талмудистами», как любил выражаться строгий подворский профессор литургического богословия архимандрит Киприан, [\[2\]](#) к которому они оба были близки. Отец Иоанн стоял за трезвое благолепие богослужения, очень дорожил уставным антифонным пением, терпеть не мог «концертов» и даже в области церковной музыки не только проявлял чуткость слуха, но обладал тончайшим чутьем в различении молитвенного пения. Что касается литургической «хореографии», особенно архиерейских служб, он в этой области оказался просто знатоком, и когда однажды некий провожающий своего сирийского владыку батюшка спросил отца Иоанна, где он познал и эту науку, он скромно ответил: «Значит, не совсем зря я с юных лет в Париже прислуживал, а потом иподиаконовствовал при незаурядных святителях-митрополитах Евлогии и Владимире». О том, до какой степени сосредоточенно отец Иоанн служил, свидетельствует то, что он до мельчайших подробностей все замечал, что, по наблюдению Коли, особенно поражало студентов-прислужников, которые наслушались до этого всяких – чаще апокрифических – анекдотов о рассеянности отца Иоанна. Сосредоточенность в предстоянии алтарю, иногда напряженная, иногда легкая, окрыленная – вот образ служащего отца Иоанна, который навсегда запечатлелся в памяти 23-летнего студента.

И еще – *last but not least* – два слова об исповеди у отца Иоанна. По словам Коли, она отличалась главным образом благодатно спокойным, сочувственным вниманием и отрезвляющей требовательностью по отношению к той «глупой человеческой воле», о которой говорил Достоевский, и которая так много портит в нашей жизни. И вместе с тем, даже при откровенном несогласии с определенными планами или поступками отец Иоанн никогда не прибегал к «властным вторжениям в душу» заблуждающегося и, хотя и старался убеждать, всегда соблюдал деликатность и совершенное уважение к свободе приходящего к нему на исповедь...

По личному почину отца Иоанна тогда в Крествуд приехали два студента, окончившие Ленинградскую духовную академию: Николай Степанов, ныне епископ Архангельский, и Василий Васечко, который теперь преподает в Свято-Тихоновском богословском институте в Москве. Коля крепко с ними подружился. После кончины отца Иоанна они вернулись домой, и первый из них, став иеромонахом Тихоном и секретарем Петрозаводской и Олонецкой епархий, пригласил Колю приехать в Карелию, для того чтобы заняться работой с молодежью в епархии. Так получилось, что тот факт, что Коля вернулся в Россию, там женился и служит настоятелем Преображенского прихода на острове Кижы, также связан с отцом Иоанном, благодаря которому он в свое время познакомился с будущим владыкой Тихоном. Что любимый учитель и на новом поприще не оставил своего питомца, показывает следующий случай. Приехав в Карелию в 1993 году, Коля накануне нового года так серьезно заболел, что решили его на следующий день соборовать. Ночью стало совсем плохо, и он с трудом заснул. Вдруг во сне Коле совершенно отчетливо явился отец Иоанн, улыбнулся и благословил его. На следующее утро Коля проснулся здоровым ...

---

[1] Мейендорф И., прот. Православная Церковь в современном мире // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. Материалы 1992-1996. – М., 1996. – С. 13.

[\[2\]](#) Архимандрит Киприан (Керн) – Ред.